

НИКИТА
ИСАНОВ

история без купюр

ПРИ ЦАРЕ ГОРОХЕ

ИСТОРИИ О ГЕНИЯХ, ЗЛОДЕЯХ И ЭПОХАХ,
КОТОРЫЕ ОНИ ИЗМЕНИЛИ

Никита Андреевич Исанов

При царе Горохе. Истории о гениях, злодеях и эпохах, которые они изменили

Серия «История без купюр»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69469918

*При царе Горохе. Истории о гениях, злодеях и эпохах, которые они
изменили:
ISBN 978-5-17-155093-6*

Аннотация

Никита Исанов – историк, автор популярного подкаста «При царе Горохе», где рассказывает удивительные, неизвестные, а порой устрашающие истории про нашу страну. Гении и злодеи, жены и любовницы, цари и придворные, политики и поэты, военные и первооткрыватели – каждый из них изменил эпоху, в которой жил. Как на протяжении многих веков люди любили, творили, совершали ошибки и к чему это привело.

XIX век в России богат событиями: убийство Павла I, пожар Москвы 1812 года, золотая лихорадка в Сибири, последняя дуэль Александра Пушкина, холерная эпидемия, продажа Аляски, загадочная смерть Петра Чайковского, появление цветной

фотографии и многие другие значимые эпизоды не только отечественной, но и мировой истории.

На страницах этой книги читатель найдет 20 увлекательных рассказов о страшных трагедиях, великих открытиях, подвигах, интригах и заговорах, отголоски которых звучат по сей день.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От автора	6
Глава 1	9
Глава 2	28
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Никита Андреевич Исанов При царе Горохе. Истории о гениях, злодеях и эпохах, которые они изменили

© Н.А. Исанов, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!*

Александр Блок

От автора

Здравствуйте, друзья!

Так обычно я здороваюсь со слушателями моего исторического подкаста, а теперь и с вами, мои дорогие читатели!

Мне всегда казалось, что читать предисловия к книге – это невероятно скучное занятие, поэтому всегда смело их пролистывал, наивно полагая, что ничего интересного для себя я там не встречу, часто задаваясь вопросом: кто они, те люди, что читают эти авторские прологи в начале книги, объясняющие смысл того, что будет дальше? Ведь автор непременно полагает, что без предисловия написанное далее будет чрезвычайно сложно понять. Впрочем, теперь, когда я тоже в некотором роде стал автором, мне кажется так же.

XIX век – время невероятных потрясений и изменений в жизни русского общества, каких оно не видело никогда прежде. Время масштабных преобразований, больших разочарований, великих гениев и гнусных преступников. Вы скажете, что так можно описать почти любой век русской истории, – и будете абсолютно правы. Однако в XIX веке все события словно утрировали по своему масштабу и значению. Нет ни одной сферы жизни общества, которая бы не изменилась с течением этого столетия.

Я заметил, что выпуски моего подкаста о событиях того

периода нравятся слушателям в разы больше, чем истории XVII или XVIII веков. Почему так? Я не знаю. Хотя кто из нас не хотел бы заглянуть в мир роскошной жизни столичной аристократии, прокатиться на бал по мощеной набережной вдоль Зимнего в Петербурге, случайно повстречаться с Пушкиным где-то на входе в кондитерскую «Вольф и Беранже» на углу Невского, встретить в Царском Селе первый поезд, послушать Чайковского в исполнении самого Чайковского. Или же, наоборот, оказаться где-нибудь на деревенской площади среди крестьян в день провозглашения манифеста об отмене крепостного права. Этот список можно продолжать долго.

Все это кажется нам чем-то старинным и далеким, но от этой старины еще не веет запахом старости. Как бы это странно ни звучало, это молодая старина, и нам все еще интересно туда окунуться. И чем глубже погружаешься в ту эпоху, тем отчетливее понимаешь: наши предки – это мы с вами. Наши принципы, поступки, проблемы, радости – они не изменились. Этому не помешало ни время, ни перипетии XX века. Вы тоже в этом убедитесь, прочитав книгу до конца. Обещайте потом поделиться, что вы думаете на этот счет.

Слушателям подкаста я всегда говорю, что мои истории – это рассказ о нашем прошлом, о котором они не знали или знали, но забыли. Вот и в книге вы не найдете скучных фактов из учебников, которые утомляют и клонят в глубокий сон.

Но обращаю внимание, что описанные в книге события – это не авторский вымысел. Мне, как историку, было важно сохранить историческую достоверность. Поэтому для каждой главы подбирал нужные источники и исследования. Для того, чтобы истории приобрели живой характер и настроение, я искал воспоминания очевидцев и участников событий.

Я убежден, что главное в истории – это люди. В этой книге я вам предлагаю посмотреть на наше прошлое глазами тех, кто его создавал. И, конечно, ответить для себя на вопросы: как, а главное, почему получилось именно так, а не иначе? Это будут истории о гениях и злодеях, а также об эпохах, которые они изменили.

*С уважением, автор подкаста «При царе Горохе»
Никита Исанов*

Здесь можно узнать обо мне чуть больше

Глава 1

Убийство в Михайловском замке. Обстоятельства смерти императора Павла I

Убежденный в том, что нельзя терять времени для спасения государства и предвидя пагубные последствия всеобщего восстания, граф Пален отправился к великому князю Александру, прося у него позволения исполнить предложенный план, который не терпел уже никакой отсрочки. Он прибавил, что последние действия императора вызвали во всем петербургском обществе, во всех классах его такое страшное возбуждение, что можно опасаться самого худшего. Наконец решено было овладеть особой императора и отправить его в такое место, где он должен оставаться под приличным наблюдением и где не сможет причинить никакого зла.

«Вы увидите, генерал, что эта мера, бывшая неизбежной, приняла оборот, которого никто не ожидал и не мог предвидеть», – так вспоминал Леонтий Леонтьевич Беннигсен, генерал от кавалерии и один из участников событий ночи 11 марта 1801 года.

В ту ночь группа заговорщиков ворвалась в Михайловский замок в Петербурге для того, чтобы заставить импера-

тора Павла I подписать документ об отречении от престола. Но по стечению обстоятельств все закончилось смертью монарха. Уже рано утром 12 марта армия присягала на верность новому императору Александру I. Казалось, что многим Павла совсем не было жалко.

Император Павел I появился на свет 20 сентября¹ 1754 года. Он был первым ребенком от брака будущего императора всероссийского Петра III и Екатерины Алексеевны, будущей русской императрицы. Павел являлся племянником правящей на тот момент государыни Елизаветы Петровны. Павел родился в обстановке нелюбви. Ни мать с отцом не любили друг друга, ни он не был близок с матерью, так как виделись они чрезвычайно редко, и то только с разрешения императрицы.

За воспитание мальчика взялась сама Елизавета Петровна, приставив к младенцу целую очередь нянек, которые чрезмерно следили за здоровьем будущего наследника. Так что это скорее походило на крылатое русское выражение: «хотели как лучше, а получилось как всегда». Заботились о нем с чрезвычайным усердием, что, наоборот, приводило к частым болезням мальчика.

«Пуще всего, – пишет известный поэт и критик Владислав Ходасевич, – нянюшки и мамушки боялись простора, света и свежего воздуха».

Павел жил в полутемных, тесных и душных комнатах, ко-

---

¹ По старому стилю – Здесь и далее примечания автора.

которые не проветривались из боязни застудить ребенка. В тогдашних придворных кругах нередко были слухи, что Павел Петрович вовсе и не Петрович, и к рождению этого мальчика Петр Федорович не имеет никакого отношения, однако слухи слухами, но они нисколько не волновали Елизавету Петровну. Павла объявили наследником своего отца – будущего Петра III, – и он должен был править сразу после его смерти, которая оказалась гораздо ближе, чем этого кто-либо мог ждать.

Павел I получил блестящее для того времени образование. Он, несомненно, воспитывался как наследник престола, да только вот сам престол ускользал от него все дальше и дальше. А уж когда у Павла появился старший сын Александр, горячо любимый бабушкой императрицей Екатериной II, и она взяла его к себе на воспитание, как когда-то это сделала Елизавета с самим Павлом, тогда даже слухи стали ходить, что Екатерина Алексеевна планировала сделать внука Александра своим наследником в обход сына Павла Петровича, который и без того крайне редко показывался в Петербурге, почти постоянно живя в резиденции в Гатчине. В своих записках один из будущих декабристов Михаил Александрович Фонвизин пишет:

«Великий Князь Павел Петрович рожден был с прекрасными душевными качествами, добрым сердцем, острым умом, живым воображением и при некрасивой наружности восхищал всех знавших его своей любезностью. Но преврат-

ное воспитание, многолетний стесненный образ жизни при ненавидевшей его матери исказили все его добрые свойства».

Павел должен был стать императором в 7 лет, но стал им только в 42 года – в ноябре 1796 года после смерти своей матери Екатерины II. Годы его правления современники описывают по-разному. Так, например, Николай Михайлович Карамзин, известный русский историк, в своих «Записках о древней и новой России в политическом и гражданском отношении» пишет:

«Сын Екатерины мог быть строгим и заслужить благодарность отечества, к неизъяснимому изумлению россиян он начал господствовать всеобщим ужасом; не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти, считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуг; отнял стыд у казни, у награды – прелесть; легкомысленно истреблял долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери».

Фонвизин, чьи мемуары я уже приводил чуть ранее, отмечает:

«Тиранство Павла особенно ужасало обе столицы и окружающих его. Никто из служащих не был безопасен от его раздражительности, доходившей до безумия».

Но в то же время он говорит:

«Простой народ даже любил Павла; в облегчение крепостных земледельцев он издал указ, чтобы они только три дня в неделю работали на своих господ, а три дня на себя

и были свободны... Ужас Павлова тиранства особенно царствовал в Петербурге».

Поэтому нельзя однозначно согласиться с тем, хороший был Павел или плохой. На протяжении XIX–XX веков история видела Павла то тираном и деспотом, то рыцарем на престоле. Тут дело лишь в том, под каким углом посмотреть на Павла и время его правления.

Крестьяне любили Павла за «Манифест о трехдневной барщине» 1797 года, в котором говорилось: «дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам». Оставшиеся шесть рабочих дней должны были быть разделены поровну: три дня крестьянин работал на себя и еще три на хозяина, то есть на барщине (земле помещика). Подобные требования устанавливались на бумаге. В действительности же павловский указ устанавливал не норму работы и распределения крестьянского труда, а лишь рекомендацию придерживаться этой нормы.

Ценили крестьяне Павла и за отмену телесных наказаний, дворяне же недолго любили императора за его непредсказуемость и резкость. Павел старался делать все иначе, чем его мать Екатерина II, поэтому, став правителем, тут же частично ограничил действие Жалованной грамоты дворянству, по которой Екатерина предоставила им уйму привилегий и льгот. Так дворян, к их ужасу, за уголовные преступления при Павле снова стали телесно наказывать.

Но, как точно заметил Фонвизин, весь ужас павловско-

го правления чувствовался в основном в Петербурге. Поэтому и заговор против ненавистного монарха сложился в среде петербургской аристократии. Главным действующим лицом разворачивающегося представления был столичный военный губернатор граф Петр Алексеевич Пален.

О заговоре против императора знал очень ограниченный круг людей. Пален посвятил в свои замыслы вице-канцлера Никиту Петровича Панина и братьев Зубовых – Платона, Николая и Валериана. Все остальные участники заговора, которых, как замечает Фонвизин, было около 60 человек, узнали о прожектах и действиях непосредственно перед дворцовым переворотом 11 марта за несколько часов до предполагаемого действия. И даже Леонтий Беннигсен, лично руководивший арестом императора Павла Петровича, был посвящен в планы только вечером 11-го за ужином у Зубовых. И вот что вспоминает Беннигсен:

«Было уже почти десять часов вечера, когда я к нему явился. Я застал у него его брата, графа Николая Зубова и трех лиц, еще не посвященных в тайну, из которых одно (Троцинский) служило в сенате и должно было отвезти туда приказ о созыве сенаторов на заседание, как только выяснится вопрос об особе императора. Граф Пален озаботился приготовить необходимые указы, начинавшиеся словами “по высочайшему повелению”. Правда, что шаг был опасный, но он был необходим, чтобы спасти народ от пропасти, которой он не мог избежать, если бы царствование Павла про-

должалось».

Подготовлено Паленом все действительно было виртуозно. Он, казалось, позаботился обо всех моментах и форс-мажорах, которые могут произойти. Но главное, Пален заручился поддержкой Александра, старшего сына Павла.

«Часто видясь с ним, Пален всегда заводил речь о трудном и бедственном состоянии России, страждущей от безумных поступков отца его и не выводя никаких заключений, вызывал Великого князя на откровенность», — пишет Фонвизин.

Со временем Александр, хоть скрепя сердце, но все же дал согласие на свержение с трона своего отца, но, как вспоминает Адам Чарторыйский², мысль о лишении Павла жизни не могла прийти Александру в голову. Александр требовал, чтобы Павел остался жив, и это являлось главным его условием. И заговорщики пообещали ему это. Александр во время семейного ужина 11 марта был, как и всегда, чрезвычайно сдержан. Вообще, великие князья Александр и его младший брат Константин всегда вели себя сдержанно в присутствии отца.

«Сам же Павел, — как вспоминает паж Константин Карлович Бошняк, — сидя за столом в последний вечер был очень весел, чему-то много смеялся и беспрестанно переешептывался с сидевшим с ним рядом великим князем Александром Павловичем».

---

² Друг Александра и один из участников «Негласного комитета».

А меж тем до роковой минуты оставалось всего несколько часов.

Предлагаю взглянуть на то, как проходила завершающая подготовка и как осуществлялся план последнего дворцового переворота.

Император жил в только что достроенном Михайловском замке, где, как вспоминают современники, еще даже стены оставались мокрыми, не успев до конца просохнуть. Михайловский замок был выстроен как крепость с бруствером³, водным рвом и с четырьмя подъемными мостами, которые вечером непременно поднимались. В этом убежище царь считал себя в безопасности от нападения. Караул в замке осуществлялся поочередно гвардейскими полками. Внизу на главной гауптвахте находилась рота со знаменем, капитаном и двумя офицерами. В замке гарнизонная служба отправлялась как в осажденной крепости, со всей военной точностью. После пробития вечерней зори весьма немногие доверенные особы, известные швейцару и дворцовым сторожам, допускались в замок по малому подъемному мостику, опускавшемуся только для них. Как раз таким очень доверенным лицом являлся адъютант лейб-батальона Преображенского полка Аргамаков, который обязан был докладывать Павлу обо всех чрезвычайных происшествиях в городе, будь то пожар или что-то в этом роде. Павел доверял Аргамакову, а потому даже ночью впускал его в свою спальню. Аргамаков

---

³ Земляная насыпь.

знал все потайные комнаты и лестницы Михайловского замка как свои пять пальцев, а их там было бесчисленное количество. И на беду Павла, Аргамаков и стал главным проводником отряда Зубова и Беннигсена прямо в опочивальню уже спавшего императора.

«Когда наступила полночь, — вспоминал Беннигсен, — я с князем Зубовым сел в сани, чтобы заехать к графу Палену. Мы нашли у его дверей полицейского офицера, который сказал нам, что граф отправился к генералу Талызину, где он нас и ожидает. У Талызина мы увидели комнату, наполненную офицерами, которые ужинали у генерала, не пренебрегая вином, и которые были посвящены в заговор. Из всего этого общества всякий желавший достигнуть блестящего положения мог, не будучи никем замечен, ускользнуть из собрания и, проникнув в Михайловский замок, разрушить заговор. Узнали потом, что накануне значительное число жителей города было осведомлено о том, что должно было произойти ночью, и однако никто не выдал тайны, что доказывает, насколько невыносимо было это правление, как желали его конца».

Леонтий Беннигсен. Активный участник заговора.

Генрих Антон Дахлинг

Неизвестно, преувеличивает ли Беннигсен, говоря, что весь Петербург знал о готовящемся перевороте, но то, что никто из присутствующих на ужине у Талызина не выдал тайны, – это абсолютно точно.

Кабинет Павла в Михайловском замке представлял из себя длинную комнату, в которую входили через большую дверь. Стены замка были достаточно толстыми и вмещали в себя потайные лестницы. Такая как раз вела из кабинета Павла в апартаменты его возлюбленной Анны Петровны Лопухиной, в замужестве княгини Гагариной; также лестница шла и в комнату камердинера графа Кутайсова. На противоположном конце кабинета находилась другая дверь, ведущая в спальню императора, и рядом с ней камин. Из спальни же императора Павла была дверь в спальню императрицы Марии Федоровны, но которую сам Павел совсем недавно приказал наглухо забить досками.

А меж тем волнение самого Павла в последние дни перед кончиной возрастало все больше и больше. Он как будто что-то чувствовал, и вот однажды завел с Петром Алексеевичем Паленом такой разговор:

– *Вы были в Петербурге в 1762 году?* – спрашивает Павел Палена.

– *Да, Государь, был,* – отвечает Пален.

– *Что вы тогда делали и какое участие имели в том, что происходило в то время?*

– *Как субалтерн-офицер,* – говорил Пален, – *я на коне в рядах полка, в котором служил, был только свидетелем и не действовал.*

Император взглянул на него недоверчиво:

– *И теперь замышляют то же самое, что было в 1762*

году.

На что Пален выдал Павлу Петровичу:

– *Знаю, Государь, я сам в числе заговорщиков.*

Павел несколько опешил:

– *Как, и ты в заговоре против меня?*

Пален не задержался с ответом:

– *Да, чтобы следить за всем и зная все, иметь возможность предупредить замыслы ваших врагов и охранять вас.*

Когда именно проходил этот разговор, – за неделю или две перед кончиной императора, – неизвестно. Но Пален решил сыграть на опережение и отвести от себя подозрения мнительного императора. А меж тем Пален был не просто заговорщиком, он был главным из них. Наставала пора действовать.

У заговорщиков все уже было готово, однако они почему-то не торопились приводить свой план в исполнение. Вероятно, было страшно претворять в жизнь столь сложное, трудное и опасное дело. Решительности им прибавил сам Павел. Ходили слухи, как пишет Адам Чарторыйский, что Павел вызвал в Петербург графа Алексея Аракчеева и президента Коллегии иностранных дел Федора Ростопчина, на чью преданность Павел мог всецело положиться. Теперь медлить было нельзя.

Около полуночи большинство полков, принимавших участие в заговоре, двинулись ко дворцу.

«Впереди, – пишет полковник Николай Александрович

Саблуков, лично видевший все своими глазами, — *или семеновцы, которые и заняли внутренние коридоры и проходы замка. Заговорщики встали с ужина немного позже полуночи».*

Получив донесение, что движение войск началось, они разделились на два отряда: один под предводительством Беннигсена и Зубовых, другой под начальством Палена. Впереди первого отряда шел адъютант Аргамаков, он должен был открыть заговорщикам вход в замок по подъемному мостику. Беннигсен вспоминает:

«По маленькой лестнице мы достигли небольшой кухни, которая прилежала к передней спальни императора. Там мы нашли камер-гусара, сидевшего возле печки, на которую склонил он свою голову и крепко спал. Из всей толпы офицеров, которыми мы были сначала окружены, осталось в этот момент с нами только четыре, и они, вместо того чтобы соблюдать тишину, набросились на слугу, а один из них далее нанес ему удар палкой по голове и тем заставил его кричать изо всех сил».

И вот сколько я воспоминаний прочел, что только с этим камер-гусаром не делали. Кому верить, совсем непонятно. У Беннигсена его ударили палкой по голове, он закричал. Фонвизин, лично не принимавший участия в заговоре, передавал с чьих-то слов, что на камер-гусаров (их уже стало двое) набросились, так как они не хотели пропускать группу заговорщиков, их обезоружили, зажали им рты и уволок-

ли оттуда. Саблуков, который хоть и не участвовал в заговоре, но и не мешал ему, говорил, что один из камер-гусаров, которые храбро защищали свой пост, был заколот, а другой ранен. Адам Чарторыйский, друг Александра Павловича, писал, что камер-гусар⁴ не пропускал и стал звать на помощь, а защищаясь, был ранен и упал, обливаясь кровью. В общем, что именно произошло с бедным гусаром или гусарами, неведомо. Ясно, впрочем, то, что от громких шорохов и звуков за дверью Павел I проснулся, а может, он и не спал вовсе, что-то предчувствуя. Скрыться из спальни ему было некуда, вы ведь помните, что дверь в комнату императрицы стояла заколоченной, а времени на то, чтобы что-то еще придумать, не оставалось. Да и что придумаешь, когда заговорщики уже стоят за дверью. Павел от безысходности спрятался за ширму. И дверь в комнату открылась.

Зайдя в опочивальню императора, заговорщики немного растерялись. Никого не было. Далее, как вспоминает Беннигсен:

*«Мы действительно застали императора уже разбу-
женным этим криком и стоящим возле кровати, перед шир-
мами. Держа шпаги наголо, мы сказали ему: „Вы арестова-
ны, ваше величество!“ Он смотрел на нас минуту, не произ-
нося ни слова, потом повернулся в сторону князя Зубова и
сказал ему: „Что вы делаете, Платон Александрович?“»*

Далее Зубову, по словам Беннигсена, нужно было срочно

---

⁴ В его мемуарах он вновь один.

уйти, его зачем-то вызвали куда-то вниз. Платон Зубов поспешил, так как боялись, что во дворец войдет верная царю гвардия, которая ничего не знала о планах ночи 11 марта. Ситуация осложнялась еще и тем, что отряд под командованием Палена опаздывал. Пален должен был занять парадную лестницу дворца, тем самым отрезав любую помощь, которая могла прийти к Павлу Петровичу. Поговаривали, что хитрый Пален неспроста опаздывал и неспроста не участвовал в том представлении, которое разыгрывалось в покоях государя. Вы ведь помните, что Петр Пален раскрыл Павлу карты, что он находится в числе заговорщиков, и даже говорил ему, что там он только для того, чтобы в нужный момент пресечь и раскрыть их деятельность. Так вот, если бы что-то в ту ночь сорвалось и пошло не так, как задумывалось, Пален бы совершенно спокойно ворвался к государю и демонстративно при нем арестовал всех заговорщиков, тем самым сохранив престол за Павлом, а может быть, даже и сохранил ему жизнь.

Однако все шло как по маслу. Беннигсен вспоминал:

«Князь Зубов оставил меня, и я остался на минуту один с императором, который ограничился тем, что смотрел на меня, не произнося ни одного слова. Мало-помалу вошло несколько офицеров из числа тех, которые следовали за нами... Я вышел тогда, чтобы осмотреть двери, выходившие в другие комнаты... В эту минуту вошло в комнату огромное количество офицеров... Офицеры, число которых еще более

увеличилось, так что комната была ими переполнена, схватили Павла и упали вместе с ним на опрокинувшиеся ширмы».

Это то, что передает Беннигсен. Опять же, если посмотреть на воспоминания Фонвизина, Саблукова, Чарторыйского, то можно обнаружить некоторые несовпадения с воспоминаниями Беннигсена. Так, например, полковник Саблуков пишет, что император вступил с Платоном Зубовым в полчасовой спор, а Николай Зубов, уставший ждать окончания довольно громкого диспута, да плюс слишком много выпив, ударил императора по руке и сказал: *«Что ты так кричишь?»*

Император оттолкнул руку Зубова, а последний с размаху нанес ему по виску удар золотой табакеркой, после чего Павел Петрович повалился без чувств. Но есть версия, что Павел сам в руках держал табакерку, а Зубов, будучи пьян, запустил туда пальцы. Тогда Павел ударил его, а после Зубов, выхватив у него эту табакерку, ударил его сильно и сшиб с ног. Фонвизин же писал, что Платон Зубов после того, как вошел в спальню государя и нашел его, упрекал царя за тиранство, объявил ему, что он уже не император, и требовал добровольно отречься от престола. В ответ Павел выкрикнул несколько угроз в адрес заговорщиков, и тогда неплохо приложившийся на ужине к алкоголю Николай Зубов, имевший атлетическое телосложение, не удержался и ударил Павла золотой табакеркой в висок. Затем завязалась отчаянная борь-

ба с Павлом, который, видимо, после сильного удара еще был в состоянии сопротивляться. Его повалили на пол, топтали ногами, проломили голову и в конце задавили шарфом.

Как было на самом деле, непонятно, и был ли шарф, тоже неизвестно, но вот то, что во всех историях присутствует золотая табакерка, говорит о том, что в итоге именно ею и убили Павла. Да и уже после смерти, гримируя покойного государя, старались всячески замазать его ссадины и аккуратно залепить проломленный череп. Для пущего на израненное лицо императора глубоко надвинули шляпу. Даже самой государыне императрице Марии Федоровне не показывали тело супруга, пока не привели его в порядок и не одели. Леонтий Беннигсен в самом убийстве не принимал никакого участия, он, вероятно, не знал вообще, что существует план убийства императора Павла I. За несколько секунд до этого Беннигсен вышел в приемную, чтобы объяснить офицеру Бибикову с гвардейцами их обязанность.

«На что потребовалось, – пишет Беннигсен, – не более нескольких минут. Вернувшись, я увидел императора распростертым на полу».

Беннигсен говорил, что ничего подобного изначально не планировалось, решено было, пишет он, сначала отправить его в крепость и там представить ему акт отречения. Но действительно ли убийство государя было импровизацией? Или, может, это заранее спланированный вариант развития событий, доподлинно неизвестно. Беннигсен, напомним, узнал о

планирующемся заговоре только поздним вечером 11 марта за несколько часов до дворцового переворота, навряд ли он мог знать истинные планы основных организаторов заговора: Палена, Панина и братьев Зубовых. Но как бы то ни было, император Павел I убит зверски, хладнокровно и бесчеловечно.

Известие о его смерти еще ночью с 11 на 12 марта 1801 года с быстротой молнии распространилось по всему городу. Беннигсен пишет:

«Кто сам не был очевидцем этого события, тому трудно составить себе понятие о том впечатлении и о той радости, какие овладели умами всего населения столицы. Все считали этот день днем избавления от бед, тяготевших над ними целых четыре года. Каждый чувствовал, что миновало это ужасное время, уступив место более счастливому будущему, какого ожидали от воцарения Александра I. Лишь только рассвело, как улицы наполнились народом. Знакомые и незнакомые обнимались между собой и поздравляли друг друга со счастьем, и общим и частным для каждого порознь».

И вот в этом авторы всех приведенных мною воспоминаний оказались единодушны.

Петербург словно сошел с ума. И лишь самым близким Павла не до веселья. Александр Павлович, с чьего согласия совершилось это действие, был глубоко опечален тем, что Пален обманул его, не сохранив жизнь его отцу. Констан-

тин, младший брат Александра, и вовсе шокирован произошедшим событием, так как, по крайней мере, так пишут в воспоминаниях современники, вовсе не знал о готовящемся перевороте. А вдовствующая императрица Мария Федоровна плакала навзрыд, с ней Павел всегда был исключительно нежен и обходителен. Траур по умершему мужу она пронесет через всю жизнь.

Судьба заговорщиков сложилась по-разному. Но все главные участники почти сразу были отдалены от трона. А многим и вовсе запретили появляться в Петербурге. Начиналась эпоха Александра Благословенного. Причиной смерти Павла тогда называли апоплексический удар, ну, то есть инсульт.

Глава 2

Москва горит! Как русские изводили Наполеона

Из письма Наполеона Бонапарта Александру I, 20 сентября 1812 года:

«Прекрасный, великолепный город Москва больше не существует. Ростопчин его сжег».

Тогда же кто-то из французской армии замечал:

«Один Иван Великий (имея в виду колокольню на Соборной площади Кремля) печально возносится над обширной грудой развалин. Только одинокие колокольни и дома с мрачным клеймом пожаров кое-где показываются».

Так выглядела Москва в начале осени 1812 года. Полностью оставленная русскими людьми и самой жизнью. Никогда Наполеон ничего подобного не видел. Полтора десятка европейских городов лежали у его ног: Берлин, Рим, Вена, Варшава, Венеция, Неаполь, Милан, Флоренция, Мадрид, Лиссабон, Амстердам, Триест, Каир, Яффа – все это подчинялось только ему одному. Москва должна была стать самой оглушительной победой Наполеона в череде его блестящих завоеваний. Но стала самым оглушительным поражением. Байрон даже напишет:

Вот башни полудикие Москвы
Перед тобой в венцах из золота
Горят на солнце... Но, увы!
То солнце твоего заката!

Перевод Г. Данилевского

Безусловно, сдача Москвы – это самое сильное решение из когда-либо принятых русскими полководцами. Однако изначально ее не планировали отдавать французам. После Бородина главнокомандующий русской армией Михаил Илларионович Кутузов приказал отступить к Москве, заверяя изо дня в день русских генералов, а вместе с ними и московского генерал-губернатора Федора Васильевича Ростопчина, что для спасения Москвы будет дано еще одно новое сражение. Но давать сражение без подкрепления осторожный и опытный Кутузов не решался, ему требовались новые силы для борьбы с Наполеоном. Однако подкрепления не было.

11 сентября Кутузову пришел императорский рескрипт, в котором ясно написано, что подкрепления не будет. Тут ему уже становилось понятно: выдержать новый бой у стен белокаменной просто невозможно. Но он все еще продолжал уверять, что под Москвой должно состояться сражение, решающее успехи кампании и участь государства. Генерал Алексей Ермолов писал:

«Кутузов желал только показать решительное намерение защищать Москву, совершенно о том не помышляя», – что очень похоже на правду.

Но когда утром 13 сентября Ермолов высказал сомнения в том, что на позиции, уже избранной под Москвой, можно удержаться⁵, Кутузов в присутствии окружавших его генералов пощупал пульс у Ермолова и спросил его: «Здоров ли ты?» Вероятно, это был показательный момент, и Кутузов своей уверенностью просто поддерживал боевой дух русских генералов. Настоящая картина открылась вечером того же дня.

Вечером 13 сентября в подмосковной деревне Фили в избе у некоего крестьянина Михаила Фролова случился военный совет. Важно было быстро принимать какое-то решение, дальше медлить нельзя. На лавочках в крестьянской избе сидели сливки русской армии: Кутузов, Барклай-де-Толли, Милорадович, Беннигсен, Дохтуров, Платов, Раевский, Ермолов, Толь и много-много кто еще.

На повестке стоял один-единственный и самый главный для всей России вопрос: сдать Москву Наполеону или не сдавать и лечь костями под ее стенами. Спорили долго и жарко. Мнения русских генералов сильно различались. Беннигсен настаивал на сражении под Москвой, Барклай-де-Толли, напротив, предлагал отступать, мотивируя свое предложение словами:

«Сохранив Москву, Россия не сохраняется от войны, жестокой, разорительной. Но сберегши армию, еще не уничтожаются надежды Отечества, и война может продол-

---

⁵ В смысле позиции для сражения.

жаться с удобством...»

И хоть почти все генералы перед советом были настроены сражаться за Москву, Барклаю удалось силой убеждений склонить часть из них на свою сторону.

Все тот же Алексей Ермолов уже позже замечал, что Кутузов не мог скрыть удовольствия, что это решение пришлось озвучить не ему. Барклай-де-Толли облегчил Кутузову тяжесть решения. Кутузов и так склонялся принять решение о сдаче Москвы, но то, что это произнес Барклай, сослужило Кутузову большую службу. Совет в Филях Кутузов закончил по-французски, он произнес:

«Знаю, что ответственность падет на меня, но жертвую собою для блага Отечества. Повелеваю отступить».

В конце Михаил Илларионович добавил:

«Наполеон – бурный поток, который мы еще не можем остановить. Москва будет губкой, которая его всосет».

Могли ли ожидать подобного решения русские генералы, которые еще утром 13 сентября решительно планировали сражаться под стенами первопрестольной? Один из участников совета – генерал Коновницын – вспоминал:

«От сего у нас волосы стали дыбом».

Все, конечно, пришли в ужас и переживали от принятого решения. Переживал и фельдмаршал Кутузов. Еще недавно он заявлял Александру I, что считает своим долгом спасение Москвы и что с потерей Москвы соединена потеря России. Слышали даже, что Кутузов несколько раз за ночь плакал.

Ситуация развернулась так, что теперь этот бой, на который так рассчитывала русская армия, был невозможен. Москву окончательно и бесповоротно решили сдать.

14 сентября русские войска вышли из Москвы. В армии роптали: *«Какой ужас!.. Какой позор!.. Какой стыд для русских»*. Многие срывали с себя мундиры и не хотели служить после унижительного оставления Москвы. Некоторые и вовсе считали этот приказ изменническим. Солдаты плакали и ворчали: *«Лучше уж бы всем лечь мертвыми, чем отдавать Москву»*. И кляли Кутузова: *«Куда он нас завел? Войска в упадке духа»*. Кутузов утром 14 сентября попросил своего помощника проводить его из Москвы так, чтобы ни с кем не встретиться. Фельдмаршал уезжал из Москвы один, без свиты. Войска первый раз, видя Кутузова, не кричали ему «ура». Вся эта ситуация очень удручала Михаила Илларионовича. Больше он беспокоился еще и о том, что скажет царь. Кутузову предстояло доложить императору об этом судьбоносном решении. 14 сентября из Москвы вместе с армией уходили и простые жители. Кутузова в Москве уже не было.

Всеми работами по эвакуации руководил Михаил Богданович Барклай-де-Толли. В какой-то момент на помощь Барклаю пришел Милорадович, который послал к начальнику французского авангарда Иоахиму Мюрату парламентаря с предложением дать русским войскам выйти из города, не сильно наступая. Иначе генерал Милорадович перед Москвой и в Москве будет драться до последнего человека и вме-

сто Москвы оставит развалины. Мюрат принял предложение и немного замедлил шаг. Но либо слабо замедлил, либо сделал вид, что замедлил, так как французы по-прежнему теснили русскую армию довольно серьезно. Мюрат даже успел догнать арьергард⁶ русской армии и поговорить с русскими казаками.

Жители Москвы (как уже говорил) также покидали свои дома и уходили. Федор Ростопчин, генерал-губернатор, еще 11 сентября сообщал в Петербург, что женщины, купцы и ученая тварь едут из Москвы. Правда, 12 сентября простой люд порывался встать на защиту города. Было собрано несколько отрядов по несколько десятков тысяч человек, и все эти люди ждали графа Ростопчина, обещавшего приехать и руководить ими. Но... не приехал. И все, горестные, разошлись по домам. Из города уходили все. Со слезами на глазах. Из 275 547 жителей тогдашней Москвы в городе осталось чуть больше 6 тысяч.

Русские выходили из Москвы, и одновременно в город заходили французы, которые очень восторженно, видя Москву, кричали: «*Москва, Москва!*». Наполеон же прибыл в Москву к двум часам дня 14 сентября на Поклонную гору. Откуда перед ним открылся великолепный вид на Москву, он тогда произнес:

«Вот, наконец, этот знаменитый город».

Наполеон знал, что должно было происходить дальше.

---

⁶ Силы, находящиеся позади основной армии.

После своего прибытия он ждал с визитом московскую делегацию, которая должна передать ему ключи от города. Время шло, но ни ключей, ни делегатов... Наполеон еще не до конца понимал, что вообще происходит в городе и почему его до сих пор не встречают как победителя, как это было десятилетиями раньше, почти во всех европейских столицах. И тут ему донесли весть: Москва пуста! Пошли первые тревожные звонки, но на что в действительности способны русские люди, Наполеон не догадывался.

А пока французы начали обустриваться в Москве. Наполеон обещал своим солдатам в начале кампании хорошие зимние квартиры, изобилие. И получается, сдержал слово. Французы нашли в Москве огромные запасы товаров. Мука, водка, вино, множество разных магазинов, в том числе суконных, меховых. И даже отбирать ни у кого ничего не нужно. Все просто так. Москвичей нет. Но не тут-то было. 14 сентября в Москве начался пожар. То есть ровно в тот день, когда Москву покинула русская армия и зашли французы. Просто они не сразу это заметили. Москва даже в начале XIX века была большая, а днем огонь они могли и не заметить. Еще утром 14 сентября Ростопчин приказывал «стараться истреблять все огнем», чем в общем подчиненные и занимались вплоть до вечера 14 сентября. Намерение сжечь Москву было не только у Ростопчина, но и у Кутузова.

Утром 14 сентября он, уезжая из города, отдал приказ сжечь склады и магазины с продовольствием, фуражом и

частью боеприпасов. Из города по приказу⁷ и Кутузова, и Ростопчина был вывезен весь противопожарный инвентарь, или, как его тогда еще называли, «огнегасительный снаряд». Таким образом, фельдмаршал и генерал-губернатор изначально не оставляли Москве никаких шансов против пожара. Все, чем можно было потушить зарево, все было вывезено. Французы, сами того не подозревая, оказывались в тяжелой и опаснейшей ситуации. Причем вывоз противопожарного инвентаря занял много времени, к этому делу подошли очень ответственно. Вывезли все. Необычность ситуации придавал еще и тот факт, что, пока вывозили необходимое для тушения пожара, в городе оставили полный арсенал оружия, оставили старинные знамена, оставили военные доспехи. И что самое поразительное, увлекшись эвакуацией огнегасительных снарядов, московские начальники оставили в городе 22,5 тысячи раненых солдат, большинство из них просто не смогли выбраться самостоятельно и сгорели.

© Deutsche Fotothek

---

⁷ Они, кстати, отдали этот приказ независимо друг от друга.

Пожар в Москве 1812 года.

Йоганн-Мориц Ругендас

Нечто похожее уже встречалось. По пути от Бородина к Москве, в Можайске Кутузов, по разным оценкам, оставил от 10 до 17 тысяч раненых, которые также гибли в огне, так как русские сжигали все за собой по пути до Москвы.

16 сентября фельдмаршал Кутузов писал Александру I:

«Все сокровища, арсенал, и все почти имущества, как казенные, так и частные, из Москвы вывезены, и ни один дворянин в ней не остался».

Кутузов, конечно, многого не договаривал, если не сказать, что он откровенно в этом письме врал императору. Ни

арсенал, ни драгоценности, ни что-то еще вывезено из Москвы не было, но, главное, Кутузов умолчал о тысячах раненых, которые оставались в городе. Некоторых из раненых французы успели разместить вместе с собственными ранеными, что спасло их от гибели. Однако пожар – это дело рук не только Ростопчина или Кутузова, сами москвичи, простой люд жгли свои деревянные дома из патриотических побуждений. Пожар был грандиозный. Так как большинство простых домов в Москве все еще деревянные, пожар перекидывался с одного дома на другой, с улицы на улицу, горели целые части города, и все превращалось в огромное единое зарево, о котором французские солдаты писали следующее:

«В то время как мы стояли лагерем в рощах, Москва, находившаяся в огне, источала такой свет, что мы почти не различили две прошедшие там ночи, так как день приносил нам не более света. Свет необъятного костра был таким, что мы могли свободно читать, хотя нас отделяло одно лье⁸. До нас доходил шум, который был подобен далекому ревущему урагану. Время от времени какой-нибудь дворец, в своем разрушении, посылал к тучам сверкающие снопы, похожие на огненный букет фейерверка». Наполеон же был все это время в Кремле и, нервно двигаясь от одного окна к другому в Императорском дворце, наблюдая московский пожар, говорил:

«Какое ужасное зрелище! Это они сами! Сколько двор-

---

⁸ Мера длины, равная 4,5 километрам.

цов! Какое необыкновенное решение. Что за люди! Это скифы!»

Наполеон не верил своим глазам. Это было чудовищно для него. В те минуты в Кремле воцарилось мрачное молчание. И только крик: «*Кремль горит!*» заставил императора выйти из дворца и посмотреть, насколько велика опасность, в которой он оказался. Французские солдаты предпринимали многое, чтобы потушить пожар хотя бы в тех строениях, которые непосредственно прилегают к Кремлю. Но так как русские позаботились о том, чтобы французам нечем было тушить, их успехи оставляли желать лучшего. Воздух раскалился, больше одной минуты нельзя было находиться на одном месте. Меховые шапки гренадеров тлели прямо на головах. Французские генералы буквально умоляли Наполеона покинуть Кремль. Опасность была очень велика. Но он медлил. Из-за этого выбираться из Кремля французскому императору и его свите пришлось с большим трудом. Генерал Поль де Сегюр вспоминал:

«Мы шли по огненной земле, под огненным небом, между огненных стен».

Только лишь в Кремле пожара не было, вокруг вся Москва горела. Наполеон отправился в загородный Петровский замок, где находился до 20 сентября, пока пожар не закончился.

Французские солдаты, несмотря на наполеоновский запрет не заниматься грабежами и мародерством, воспользо-

вавшись хаосом, все же вламывались в дома и лавки и вытаскивали оттуда все, что возможно, прикрываясь тем, что спасают вещи из пожара. Ресурсы Москвы, как точно заметили французы, неисчислимы: в домах провизии на 8 месяцев, вино в изобилии. Поэтому большинство солдат императорской армии перепились и разлеглись прямо на улицах. Другие же части армии, пока Наполеон отсутствовал в Кремле, защищали эту крепость от проникновения русских. Каждые открытые ворота охранялись 100 солдатами гвардии, в самих воротах стояли по двое часовых. Был указ: «не позволять входить никакому русскому в Кремль под каким-либо предлогом, даже если он в сопровождении офицера. Если же, вопреки инструкции, какой-либо русский попытается проникнуть в крепость, открывать по нему огонь».

Наполеон, конечно, как и многие французы, совсем не мог понять, зачем русские подожгли Москву. Он говорил:

«Чтоб причинить мне временное зло, разрушили созидавшие многих веков».

Но ему не дано было осознать бескомпромиссный русский характер в духе «так не доставайся же ты никому». Пожар причинил Москве колоссальный вред. В огне погорело 3/4 Первопрестольной. Из почти 9100 жилых домов выгорело больше 6500. Из 329 церквей сгорело 122, множество дворцов. Сгорела библиотека Московского университета, как и само здание университета, библиотека Бутурлина в Лефортове, сгорели множество картин из собрания Алексея Ор-

лова в Донском монастыре, много ценнейших исторических документов, как, например, известное всем «Слово о полку Игореве». Это все вывозить не стали. Оставили, наверное, на удачу: если повезет, то уцелеет. Но об этом тогда мало кто думал. Люди жгли все, уничтожали для того, чтобы создать французам невыносимые условия.

20 сентября пожар закончился. Наполеон вернулся в Кремль и попытался нормализовать жизнь старой столицы, насколько это, конечно, было возможно. Все его обещания своей армии, что зиму они перезимуют в теплых московских квартирах, теперь, после 7-дневного пожара, казались невыполнимыми. Москва – это пепелище. Французы устраивались где могли. Церкви, которые менее всего пострадали от пожара, были переделаны в казармы и конюшни, отсюда постоянно доносилось ржание лошадей и мат солдат императорской армии. Несмотря на новые наполеоновские запреты – с окончанием пожара прекратить и мародерство, в городе грабежи уже обрели стихийную силу и слабо подвергались контролю. В Донском монастыре, например, французы пошли еще дальше. Они не только требовали от монахов золото и серебро, но и раздевали их, пока те не отдадут желаемое, а в Архангельском соборе⁹ французы спускались с факелами в подземелье и переворошили все гробы и кости в поисках драгоценностей.

Наполеон несколько дней пытался установить порядок в

---

⁹ Где находится большая усыпальница князей и царей дома Рюриковичей.

городе. И наконец ему это удалось. Он даже пытался наладить отношения с оставшимися в городе жителями Москвы. Поощрял торговлю, разрешил богослужения в честь императора Александра I. Москвичей было не купить. Они не желали идти ни на какой контакт. До развязки оставалось недолго. Но тогда Наполеон всеми силами старался показать, что обосновался в Москве основательно. Руководил делами своей большой Империи из Москвы, подписывал различные указы. Но это была только видимость. Жить в Москве становилось невыносимо. Никаких удобств, сентябрь скоро сменялся октябрём. А запасы, которые поначалу казались французам неисчислимыми, частью своей сгорели, а частью разворованы.

Нужно было решать вопрос о мире окончательно и бесповоротно. Наполеону подобное, конечно, непривычно. Обычно у него просили мира, а здесь он оказался в совершенно противоположной ситуации. Он уже больше недели торжествует в Москве, а русский император Александр I так и не дал о себе знать. Наполеон еще 18 сентября устно, через одного московского генерала обратился к царю с предложением заключить мир, но ответа не последовало, 21 сентября он отправил Александру Павловичу письмо, которое он даже не раскрыл, а направил это письмо к Кутузову, чтобы его вернули обратно французам.

Через две недели ожиданий вестей от Александра Наполеон 4 октября предпринял третью попытку достучаться до

русского императора, но снова не получил ответа. Он был в ярости и уже собирался уводить армию из Москвы в ближайшие дни. Видя, что в Москве ему ничего не светит, в голове Наполеона даже созрел план наступления на Петербург. Различным корпусам отдали приказ держаться наготове. Ведь после отступления Кутузова к Калуге весь север фактически был открыт для французов. Другие же французские генералы, когда узнали, где на самом деле расположилась русская армия, наоборот, настаивали идти с боем на Кутузова, чтобы нанести ему последний удар, завладеть Тулой и Калугой¹⁰, и обеспечить себе короткий и безопасный путь отступления к Смоленску. Но этому не суждено было сбыться.

Армия Наполеона стала варварской, напоминая азиатских завоевателей. А сам Наполеон, покидая Москву, видимо, мстя за совсем не теплый прием, решил уничтожить то, что осталось. 20 октября, двигаясь к Малоярославцу, он отдал приказ о разрушении Москвы:

«22-го или 23-го, к 2 часам дня, предать огню склад с водкой, казармы и публичные учреждения, кроме здания детского приюта. Предать огню дворцы Кремля. Все ружья разбить в щепы, разместить порох под всеми башнями Кремля. А также позаботиться о том, чтобы оставаться в Москве до того времени, пока сам Кремль не будет взорван».

Вот так уходила из Москвы Великая армия Наполеона. Они пришли в Москву как цивилизованные европейцы, а

---

¹⁰ Где находился большой оружейный арсенал.

уходили деморализованные, поникшие и абсолютно неуверенные в себе. Уже на острове Святой Елены, где Наполеон провел остаток своих дней, он вспоминал:

«В 1812 году, если бы русские не приняли решения сжечь Москву, решения неслыханного в истории, и не создали бы условия, чтобы его исполнить, то взятие этого города повлекло бы за собой исполнение миссии в отношении России. Мир в Москве означал бы завершение моей военной экспедиции».

Наполеон, конечно, не был готов лицом к лицу столкнуться с теми методами борьбы, на которые могли пойти и пошли русские. Эта война, которую он так блестяще начал, сулила в конце неминуемое фиаско. Там же, на острове Святой Елены, он сказал: *«Я должен был умереть в Москве!»*

Глава 3

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.